

УДК 339.56.055
<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-7-821-833>

Южнокорейские промышленные компании в России: проблемы и перспективы

Георгий Давидович Толорая¹, Федор Михайлович Чернецкий²✉

¹ Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Россия

^{1, 2} Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

¹ 79035240084@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3685-2120>

² fedor.mche@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0001-7086-8663>

Аннотация

Цель. Провести анализ развития российско-южнокорейских торгово-экономических отношений в последние годы с акцентом на южнокорейские компании, имеющие или имевшие на территории России промышленные предприятия. Особое внимание авторы уделяют рассмотрению перспектив их присутствия на российском рынке.

Задачи. Анализ истории российско-южнокорейских экономических связей, особенностей промышленного офшоринга южнокорейских компаний и обзор недавних изменений на российском рынке.

Методология. Авторами использованы статистический анализ данных о внешней торговле между странами, обобщение и графическое моделирование материалов информационных ресурсов компаний, рассматриваемых в работе, а также прочие общенаучные методы исследования.

Результаты. В ходе исследования выявлено, что негативный тренд в российско-южнокорейских отношениях сменяется разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, продолжается сокращение товарооборота между странами по большинству позиций, с другой — фиксируется возобновление работы или намерения со стороны многих южнокорейских компаний вернуться на российский рынок.

Выводы. Несмотря на смену власти в Республике Корея, явные изменения в международной торговле и появившиеся надежды на изменения в санкционном режиме России, не следует рассчитывать на качественные улучшения в российско-южнокорейском торгово-экономическом сотрудничестве — новая политическая атмосфера будет в лучшем случае нейтральной.

Ключевые слова: российско-южнокорейские отношения, внешняя торговля, Республика Корея, Россия, санкции, промышленность

Для цитирования: Толорая Г. Д., Чернецкий Ф. М. Южнокорейские промышленные компании в России: проблемы и перспективы // *Экономика и управление*. 2025. Т. 31. № 7. С. 821–833. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-7-821-833>

South Korean industrial companies in Russia: Problems and prospects

Georgy D. Toloraya¹, Fedor M. Chernetskii²✉

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^{1, 2} Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ 79035240084@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3685-2120>

² fedor.mche@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0001-7086-8663>

Abstract

Aim. The work aimed to analyze the development of Russian-South Korean trade and economic relations in recent years with an emphasis on South Korean companies that have or had industrial enterprises in Russia. The authors pay special attention to the prospects of their presence in the Russian market.

Objectives. The work seeks to analyze the history of Russian-South Korean economic relations, features of industrial offshoring of South Korean companies, and an overview of recent changes in the Russian market.

Methods. The study employed statistical analysis of data on international trade between the countries, generalization and graphical modeling of materials from information resources of the companies considered in the work, as well as other general scientific research methods.

Results. The study revealed that the negative trend in Russian-South Korean relations is replaced by multidirectional trends. On the one hand, the decline in commodity turnover between the countries in most provisions continues, while on the other hand, many South Korean companies have resumed operations or expressed intentions to return to the Russian market.

Conclusions. Despite the change of power in the Republic of Korea, obvious changes in international trade, and the emerging hopes for changes in sanctions regime in Russia, qualitative improvements in Russian-South Korean trade and economic cooperation should not be reckoned on, as, the new political atmosphere will be neutral at best.

Keywords: Russian-South Korean relations, international trade, Republic of Korea, Russia, sanctions, industry

For citation: Toloraya G.D., Chernetskii F.M. South Korean industrial companies in Russia: Problems and prospects. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2025;31(7):821-833. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-7-821-833>

Введение

С начала 2025 г. в связи с организацией российско-американских контактов и активизацией переговорного процесса по Украине в ряде стран возник осторожный оптимизм по поводу возможной приостановки или прекращения военных действий в Украине, что могло быть связано с ослаблением санкционного давления на Россию и, возможно, даже снятием части санкций хотя бы некоторыми государствами и компаниями. Такое развитие событий потенциально могло бы облегчить возвращение некоторых иностранных компаний, полностью или частично покинувших российский рынок в 2022–2023 гг. Глава Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ), а с 2025 г. — спецпредставитель Президента РФ по инве-

стиционно-экономическому сотрудничеству с зарубежными странами К. Дмитриев предложил возвращение ряда иностранных компаний уже в ближайшем будущем¹.

Весьма заинтересованы в таком развитии событий южнокорейские фирмы, ряд из которых до 2022 г. занимали немалые доли российского рынка в своих нишах (автомобилестроении, электронике и электротехнике) и владели крупными производственными предприятиями на территории РФ, но вынуждены были продать свои активы или приостановить производство. Многие из них на предыдущем «витке» развития санкционного давления на Россию (с 2014 г.) не ушли с российского рынка, наоборот, нарастив поставки и производство, занимая освобожденные после ухода ряда западных компаний ниши. Это сопровождалось в том числе

¹ Park Jae-hyuk. Will Korean firms return to Russia? // The Korea Times. 2025. February 21. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/business/companies/20250221/will-south-korean-companies-resume-operations-in-russia> (дата обращения: 01.04.2025).

инвестициями в конце 2010-х – начале 2020-х гг. в расширение и модернизацию имеющихся фондов, наличие которых существенно усложнило принятие решения об уходе с российского рынка в 2022–2023 гг., обусловило исключительные условия этого ухода (возможность обратного выкупа активов) и предопределило неисчезающий интерес некоторых южнокорейских компаний к российскому рынку.

Если в предыдущие три года наблюдалась однозначная тенденция к сокращению торгово-экономического сотрудничества между Россией и Республикой Корея (РК), то в последние месяцы фиксируются разнонаправленные тенденции. С одной стороны, объем товарооборота продолжает сокращаться, многие южнокорейские фирмы отказываются от закупок российского сырья и полноценного возвращения на российский рынок. С другой стороны, в России фиксируется рекордный спрос на ряд продуктов из РК (например, парфюмерно-косметическую продукцию), а некоторые компании, имеющие производственные мощности на территории РФ, возобновляют производство и планируют новые инвестиции.

Южнокорейский бизнес в России до 2022 г.

Активные прямые экономические отношения между Россией и Республикой Корея начались еще до установления дипломатических отношений (тогда еще с СССР), соответствующее решение принято 26 октября 1988 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС [1]. Политические изменения конца 1980-х — начала 1990-х гг. обусловили большой энтузиазм различных акторов с обеих сторон к развитию этих связей. Тогда с открытием каналов взаимного общения через Торгово-промышленную палату СССР (где работал один из авторов настоящей статьи) Москву и прочие регионы РФ буквально захлестнул поток делегаций южнокорейских бизнесменов, от руководителей и основателей крупнейших финансово-промышленных групп до мелких и средних предпринимателей.

За почти 35-летнюю историю российский бизнес слабо продвинулся в направлении создания сильных позиций на внутреннем рынке РК, оставаясь исключительно внешнеэкономическим актором, тогда как южнокорейские финансово-промышленные группы имели непосредственное присут-

ствие на российском рынке уже в первые годы их деятельности в РФ [2]. Это касалось совместных производственных предприятий, например, проектов (пусть и не всегда реализованных в планируемом виде) по разработке лесных ресурсов и нефтегазовых месторождений, торговых операций, научно-исследовательской деятельности и других подотраслей сферы услуг (в первую очередь на Дальнем Востоке, в Московском регионе и Санкт-Петербурге) [3; 4; 5]. Как раз в 1990-х гг. южнокорейский крупный промышленный бизнес вышел на новый уровень — экспорта не только товаров, но и технологий, а вместе с тем и офшоринга производственных функций. С одной стороны, южнокорейцам требовался перенос предприятий в страны и регионы с меньшими производственными издержками, с другой — данная стратегия облегчала экспансию на внешних рынках. Россия была одним из наиболее удобных полигонов для такой экспансии — большой растущий рынок со значительным спросом, слабой внутренней конкуренцией и позитивным отношением к подобным иностранным инвестициям.

Как показано в таблице 1, по состоянию на 2022 г. в России работало несколько крупных и средних предприятий южнокорейских фирм, в том числе крупнейших финансово-промышленных групп: Hyundai, Samsung, LG, Lotte и др.

Можно выделить два основных региона локализации производственных предприятий южнокорейских фирм в России — Московский и Северо-Западный. Северо-Западный сформировался в конце 2000-х гг., когда в промышленной зоне «Каменка» в Санкт-Петербурге сформировался автомобилестроительный кластер. Его центр — автомобильный завод компании Hyundai Motor, для нужд которого в непосредственной близости были локализованы поставщики отдельных комплектующих: Hyundai Steel, Hyundai Wia, Hyundai Mobis, Donghee Industrial, Daewon Sanup, Doowon Climate Control, NVH Korea, Sejong Industrial, Shin Young и Sungwoo Hitech. Также Sungwoo Hitech в 2021 г. выкупила предприятие компании Ford во Всеволожске (Ленинградская область), с 2002 г. производившее комплектующие для автомобилей. Там же в конце 2000-х гг. разместилось предприятие южнокорейской Hanil Tube (производство автокомпонентов), а Yura Corporation

Предприятия южнокорейских компаний на территории РФ

Table 1. Enterprises of South Korean companies in the territory of the Russian Federation

Фирма	Регион	Город	Отрасль	Год открытия	Статус
hy (бывш. Korea Yakult)	Московская обл.	Раменское	Пищевая промышленность	2006	Работает
hy (бывш. Korea Yakult)	Рязанская обл.	Рязань	Пищевая промышленность	2010	Работает
Orion Confectionery	Тверская обл.	Тверь	Пищевая промышленность	2007	Работает
Orion Confectionery	Тверская обл.	Тверь	Пищевая промышленность	2022	Работает
Orion Confectionery	Новосибирская обл.	Новосибирск	Пищевая промышленность	2008	Работает
Orion Confectionery	Московская обл.	Звенигород	Пищевая промышленность	2004	Закрит, тестовая линия
Lotte Confectionery	Калужская обл.	Обнинск	Пищевая промышленность	2007	Работает
KT&G	Калужская обл.	Ворсино	Пищевая промышленность	2010	Работает
Samsung Electronics	Калужская обл.	Ворсино	Электроника и электротехника	2008	Приостанавливал работу в 2022–2024 гг.
Dong-A Hwasung	Калужская обл.	Ворсино	Электроника и электротехника	2017	Работает
Dong-A Hwasung	Калужская обл.	Малоярославец	Электроника и электротехника	2009	Перенесен в Ворсино 2016 г.
Dong-A Hwasung	Московская обл.	Дорохово	Электроника и электротехника	2005	Перенесен в Ворсино 2016 г.
LG Electronics	Московская обл.	Дорохово	Электроника и электротехника	2019	Приостанавливал работу в 2022–2025 гг.
Hyundai Heavy Industries	Приморский край	Артём	Энергетическое машиностроение	2013	Выкуплен компанией «Доброфлот» в 2017 г.
Hyundai Motors	Санкт-Петербург		Автомобилестроение	2010	Продан в 2023 г.
Hyundai Motors	Санкт-Петербург		Автомобилестроение	2006	Продан в 2023 г.
Hyundai Steel	Санкт-Петербург		Металлургия	2010	Приостанавливал работу в 2022–2024 гг.
Hyundai Wia	Санкт-Петербург		Автомобилестроение	2021	Приостановил работу в 2022 г.
Hyundai Mobis	Санкт-Петербург		Автомобилестроение	2009	Работает
Donghee Industrial	Санкт-Петербург		Автомобилестроение	2008	Приостанавливал работу в 2022–2025 гг.
Daewon Sanup	Санкт-Петербург		Автомобилестроение	2008	Работает
Doowon Climate Control	Санкт-Петербург		Автомобилестроение	2008	Работает
NVH Korea	Санкт-Петербург		Автомобилестроение	2008	Работает
Sejong Industrial	Санкт-Петербург		Автомобилестроение	2008	Работает
Shin Young	Санкт-Петербург		Автомобилестроение	2008	Закрит в 2022 г.
Sungwoo Hitech	Санкт-Петербург		Автомобилестроение	2008	Работает
Sungwoo Hitech	Ленинградская обл.	Всеволожск	Автомобилестроение	2002	Работает
Hanil Tube	Ленинградская обл.	Всеволожск	Автомобилестроение	2009	Работает
Yura Corporation	Ленинградская обл.	Ивангород	Автомобилестроение	2008	Приостанавливал работу в 2022–2025 гг.
Yura Corporation	Псковская обл.	Псков	Автомобилестроение	2008	Приостанавливал работу в 2022–2025 гг.
Youngsan KLD	Калининградская обл.	Калининград	Автомобилестроение	2014	Приостановил работу в 2022 г.
Apollo	Татарстан	Альметьевск	Энергетическое машиностроение	2018	Нет данных

Источник: составлено авторами по данным сайтов компаний.

в то же время открыла свои предприятия в Ивангороде и Пскове. Все они — часть производственной цепочки Hyundai Motor.

В Московском регионе в эти годы присутствовали предприятия из разных отраслей, в основном электроники и пищевой промышленности. В индустриальном парке «Ворсино» в Калужской области (у границы с Московской) в 2008–2010-х гг. построены предприятия Samsung Electronics (бытовая техника), KT&G (табачная продукция) и Dong-A Hwasung (компоненты, детали, продукция из пластмассы и резины). Предприятие последней образовано в 2017 г. путем переноса двух уже существовавших с 2000-х гг. предприятий компании в соседнем Малоярославце и Дорохово (Московская область). Там же в Дорохово расположено предприятие LG Electronics (бытовая техника, с 2019 г.¹), а в Обнинске (рядом с «Ворсино») — Lotte Confectionery (кондитерские изделия, с 2007 г.). На пищевой промышленности специализируются и компании НУ (бывшая Korea Yakult) — предприятия в Раменском (Московская область, 2006 г.) и соседней Рязани (2010 г.); а также Orion Confectionery (кондитерские изделия) — два завода в Твери (2007 и 2022 гг.) и существовавшая в середине 2000-х гг. тестовая производственная линия в Звенигороде.

К этому списку можно также дополнить отдельные предприятия, находящиеся в других регионах РФ: Orion Confectionery в Новосибирске (2008 г.), Youngsan KLD в Калининграде (автокомпоненты, 2014 г.), Apollo в Альметьевске (Татарстан, энергетическое машиностроение, 2018 г.), а также завод Hyundai Heavy Industries в Артёме (Приморский край, энергетическое машиностроение, 2013 г.), выкупленный компанией «Доброфлот» в 2017 г. Южнокорейские компании также имели партнерские отношения и технологическую кооперацию с другими предприятиями. Так, подобные взаимоотношения имели место, например, между Samsung Heavy Industries и приморской верфью ССК «Звезда» (Большой Камень). Некоторые модели Kia собраны на заводах «Автотор» в Калининграде (1996–2022) и «ИжАвто» в Ижевске (1996–2009), а автомобили SsangYong (ныне KG Mobility) — на производстве Sollers во Владивостоке (2005–2015).

В годы расцвета российско-корейских и межкорейских отношений даже обсуждались проекты, которые предполагалось реализовывать совместно Россией, РК и КНДР, например, построить транскорейский газопровод или железную дорогу [6]. Однако ни один из этих проектов по ряду причин не был реализован ни в какой стадии, а периодические возобновления их обсуждения были, скорее, «маниловщиной».

Вторая диспропорция в экономических отношениях между Россией и РК — структурные особенности товарооборота. Около 95 % импорта из РФ в РК приходится на следующие категории продуктов: минеральное топливо (75–80 %), морепродукты (5–10 %), алюминий и изделия из него, древесина и изделия из него, железная руда и сталь, химические вещества (менее 5 % по каждой категории). При этом доля РФ в общем импорте РК составляла всего 2–3 %, достигая 20 % лишь в категории морепродуктов и 7–9 % в минеральном топливе. Корея в российском экспорте тоже занимала лишь 2–4 %, имея значительно больший вес лишь по импорту морепродуктов (20–25 %) и химии (5–10 %).

Структура экспорта из РК в РФ традиционно состояла из следующих категорий товаров: автомобили (35–40 %), электроника и электротехника (10 %), пластмассы и изделия из них (6–8 %), прочее машиностроение, изделия из железа и стали, парфюмерно-косметическая продукция (менее 5 % по каждой категории). Однако доля РК в российском импорте не превышала 1,5 %, не имея больших подотраслевых отклонений от среднего значения. Доля России в южнокорейском экспорте была выше (около 2–3 %), особенно в транспортном машиностроении (10–15 %).

Таким образом, в торговле с Россией реализовалась традиционная для РК формула: обмен минерального сырья на готовую продукцию (в основном машиностроения) [2]. При этом в России внешнеторговые отношения с РК и деятельность южнокорейских фирм внутри страны воспринимались весьма позитивно, особенно на Дальнем Востоке, где интенсивные торговые и иные отношения с КНР, несмотря на периодически декларируемое стратегическое партнерство, нередко воспринимались как угроза, а с Японией — как малоперспективные

¹ Здесь и далее в скобках указано, с какого года функционирует предприятие.

и сложные. Российско-южнокорейские отношения воспринимались как стабильные, где политика отделена от экономики, динамичные (речь и о скорости работы южнокорейских контрагентов) и имеющие большой потенциал для развития. Способствовала наращиванию в том числе экономических связей и либерализация визового режима между странами в конце 2000-х гг. [7].

Кризис в российско-южнокорейских экономических отношениях

Торгово-экономические отношения, достигшие пика во втором десятилетии XXI в., подверглись испытанию в середине 2010-х гг.: Республика Корея присоединилась к санкционной политике ряда западных стран в связи с событиями в Крыму. Администрация президента Мун Джэина (2017–2022) не слишком усердствовала в продвижении санкций, но ряд товаров попал в запретительные списки, а некоторые компании ушли с российского рынка, сократили число операций с Россией или стали действовать через посредников.

С весны 2022 г. российско-южнокорейские отношения вошли в фазу глубокого кризиса. После начала военных действий в Украине они подверглись внешнему шоку — экономическим и политическим санкциям, введенным против РФ многими странами Европы, Северной Америки, Австралией, Японией и другими государствами. Несмотря на то, что власти РК первое время избегали вводить собственные санкции, южнокорейские фирмы и правительство страны не могли не учитывать международный контекст.

Кроме того, для России неприятным сюрпризом стала увязка российско-южнокорейских отношений с российско-северокорейскими контактами. С середины 2010-х гг. отношения между РФ и КНДР по многим направлениям стали улучшаться в силу идеологического сближения и налаживания взаимопонимания между лидерами. А в последние три года военно-техническое и политическое сотрудничество достигли пика (в масштабах нескольких десятилетий). Консервативное правительство РК, традиционно воспринимающее КНДР как главного врага и нацеленное на противодействие «пхеньянскому режиму» вплоть до его ликвидации, не могло не отреагировать на это. Сеул присоединился к международным

санкциям и ввел собственные, а риторика официальных представителей обеих стран стала откровенно враждебной. Экономические вопросы российско-южнокорейского взаимодействия почти исчезли с повестки дня [8].

Южнокорейские компании, ряд из которых, как и в 2014 г., не собирались покидать российский рынок и, наоборот, могли воспользоваться снижением конкуренции со стороны компаний из других развитых стран, столкнулись с объективными трудностями, вызванными экономическими ограничениями, наложенными на РФ и торговлю с ней. Например, Hyundai Motor пришлось продать свои заводы всего за 10 тыс. рублей, хотя и с правом обратного выкупа. Некоторые другие компании, например LG Electronics, Samsung Electronics или Hyundai (Mobis, Wia, Steel), были вынуждены приостановить работу на своих предприятиях, а работа прочих, например Dong-A Hwasung, была затруднена отключением доступа к системе SWIFT для российских банков и угрозой вторичных санкций. Коснулось это и проектов, большая часть реализации которых завершилась еще до введения санкций. Например, поэтому произошла отмена поставки Samsung Heavy Industries судов для «Совкомфлота» [9]. Прекращена и сборка автомобилей Kia на предприятии «Автотор» в Калининграде, что привело к простоя и Youngsan KLD, выпускавшей комплектующие для Kia.

В апреле 2023 г. ситуация усугубилась введением правительством Республики Корея дополнительных санкций против России. Существенно (с 57 до 1 159 позиций) расширен перечень товаров, запрещенных для экспорта. В него попали крупные категории продукции машиностроения: промышленное оборудование и материалы, оборудование для добычи нефти и газа, прочее энергетическое оборудование, часть продукции автомобилестроения, химической промышленности и металлургии, полупроводники, оборудование для их производства и др. [8]. В следующем году уже на фоне активизации российско-северокорейского взаимодействия перечень расширился (на 243 позиции), а санкционное давление со стороны РК получило развитие, независимое от международной конъюнктуры, — решение данного вопроса стало зависеть от межкорейских взаимоотношений [10].

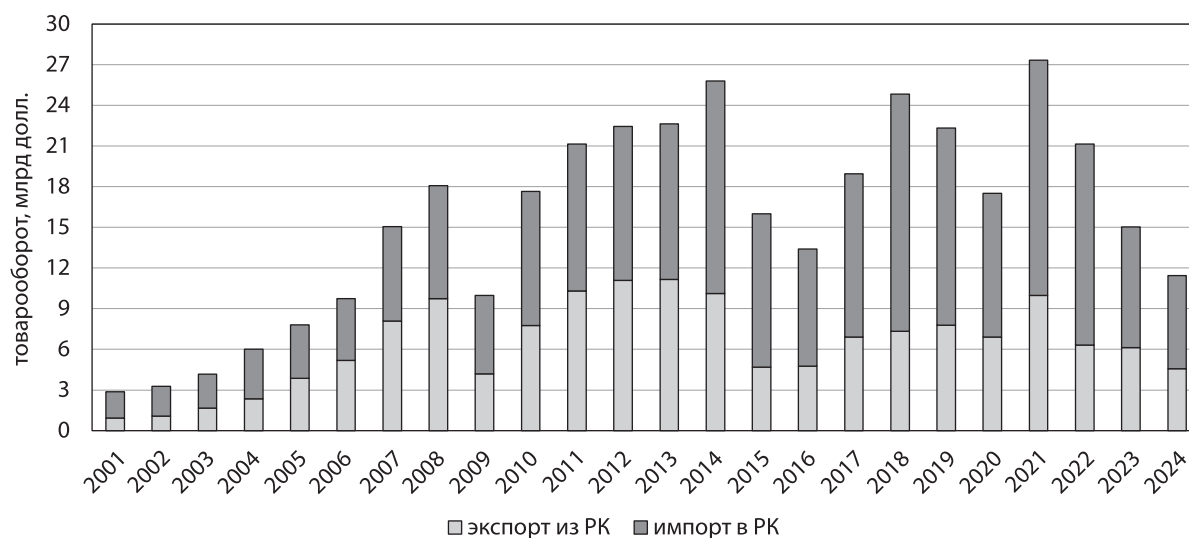

Рис. 1. Товарооборот Республики Корея с Россией в 2001–2024 гг.
Fig. 1. Commodity turnover between the Republic of Korea and Russia in 2001–2024

Источник: составлено авторами по данным Trade Map // International Trade Centre. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 27.07.2024).

Примечание: приведены данные, предоставленные Таможенной службой РК; данные ФТС РФ в течение последних лет закрыты.

Естественным следствием ограничений на торговлю с российскими контрагентами стало неотвратимое сокращение товарооборота между Россией и РК, как показано на рисунке 1. Максимальный объем товарооборота между странами был достигнут в 2021 г. и составлял 27,3 млрд долл. В следующие два года он сокращался примерно на 6 млрд каждый год, а к концу 2024 г. снизился еще почти на 4 млрд долл., составив 11,4 млрд долл. В 2024 г. значение данного показателя составило лишь 42 % от уровня 2021 г. — это антирекорд с 2005 г. (не считая кризисного 2009 г.). При этом основное сокращение произошло не за счет экспорта из РК в РФ (он снизился на 5,4 млрд долл., или на 54 %), а за счет импорта российских товаров — с 17,4 до 6,9 млрд долл. (на 61 %)¹.

Сокращение российского экспорта произошло в основном за счет снижения поставок минеральных ресурсов (на 73 %), железа и стали (на 68 %), драгоценных камней и металлов (почти до нуля) — позиции № 1, 2 и 4 в списке основных экспортных товарных групп на 2021 год. Например, одним из основных южнокорейских потребителей

российского золота, вольфрама и тантала была компания Samsung Display, производящая экраны смартфонов, ноутбуков, настольных компьютеров и планшетов, в том числе для Apple; недавно она окончательно отказалась от использования российского сырья². В энергетическом направлении, например по природному газу, южнокорейские потребители нарастили импорт СПГ из Австралии, Катар и Малайзии³. Меньшее сокращение испытала рыбная отрасль (на 28 %), а среди некоторых иных категорий продуктов наблюдался заметный рост: алюминий и изделия из него (почти в три раза), неорганические химические вещества, соединения из драгоценных металлов, редкоземельных металлов (в два раза), древесина и изделия из дерева (на 10 %). Доля экспорта алюминия и изделий из него, а также неорганических химических веществ увеличилась с 2 % до 10 % и 13 % соответственно, обогнав категорию железа и стали, превывсив показатели вывоза за границу железа и стали, тем самым почти достигнув стоимостного выражения экспорта морепродуктов.

¹ Trade Map // International Trade Centre. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 27.07.2024).

² Золото в партиях: Samsung Display перестал закупать российские металлы // Коммерсантъ. 2025. 27 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7754477?from=main> (дата обращения: 27.05.2025).

³ Южная Корея сократила импорт российского СПГ до минимума с октября // Коммерсантъ. 2025. 21 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7588408> (дата обращения: 27.03.2025).

Экспорт из РК в РФ снизился почти по всем основным товарным группам: автомобилестроение, судостроение, электроника и электротехника, мебель, фармацевтика и пластмасса (на 60–90 %). Небольшой рост фиксировался лишь в части точного машиностроения (оптического, медицинского и др.) и парфюмерно-косметической продукции, однако в 2024 г. и он сменился сокращением объемов поставок.

Результаты и обсуждение

На фоне наметившихся предпосылок к интенсификации переговорного процесса с участием России, Украины и США возникли надежды на снятие хотя бы части санкций, наложенных на РФ. Этому также может способствовать и смена власти в РК. Крупные южнокорейские компании заметно активизировались, допуская скорую возможность возвращения на российский рынок и изучая экономическую целесообразность возобновления бизнеса в РФ. Россия отчасти рассматривается ими как один из рынков для диверсификации бизнеса, особенно в условиях все еще неопределенного, но явно усиливающегося тарифного давления со стороны США. К тому же у многих южнокорейских компаний остались активы, связи и репутация на российском рынке.

В отличие от 2022–2023 гг., с конца 2024 г. и особенно весной 2025 г. наблюдаются признаки «прощупывания почвы» разными сторонами с целью оценки возможностей восстановления торговой и производственной активности в России.

Весной 2025 г. LG Electronics возобновила деятельность завода в Московской области, приостановленную в 2022 г. Производство бытовой техники (стиральных машин) осуществляется на основе складских остатков компонентов, поставленных до введения санкций. В начале 2025 г. выручка компании впервые с 2022 г. показала рост (на 14 %) за счет продаж электроники (телевизоров), однако большая часть продукции попадает

на российский рынок через соседние (КНР, Беларусь) и прочие (ОАЭ) страны в рамках так называемого параллельного импорта¹. Samsung Electronics, не возобновив производство на калужском предприятии (хотя часть производственных линий сдана в аренду для контрактного производства), активизировала маркетинговую деятельность: в начале 2025 г. компания увеличила рекламные бюджеты на российском рынке на 30 % (по сравнению с уровнем 2024 г.)². Текущие продажи продукции компании осуществляются за счет параллельного импорта.

О намерении возобновить полноценную работу своего предприятия и его расширении к лету 2025 г. объявила и Donghee Rus (Санкт-Петербург), специализирующаяся на производстве автомобильных комплектующих для местного предприятия, ранее принадлежавшему Hyundai Motor. Полного прекращения работы здесь не было, однако масштабы производства были совсем небольшими³. Hyundai Steel возобновила работу еще весной 2024 г., однако предприятия Hyundai Wia все еще находится в простое, к тому же компания так и не погасила задолженность (в размере 143 млн руб.) перед российским подрядчиком, осуществлявшим строительство завода в 2021 г. Компания Shin Young закрылась в 2022 г. В мае 2025 г. производство комплектующих для этого же предприятия Hyundai возобновила компания Yura Corporation, однако штатная численность работников уже успела сократиться в 6,5 раз по сравнению с уровнем 2021 г. Планы возобновления работы имеются и у Sungwoo Hitech (Всеволожск). Калининградская Youngsan KLD планирует перепрофилироваться на производство комплектующих для китайских автомобилей, сборка которых налажена на предприятии «Автотор», на котором ранее собирали модели Kia.

Несмотря на передачу активов в Санкт-Петербурге российскому инвестору с правом обратного выкупа, Hyundai Motor предпринимает действия по сохранению присутствия на

¹ *Ui-Myung Park*. LG Electronics restarts home appliance plant in Russia // The Korea Economic Daily. 2025. March 21. URL: <https://www.kedglobal.com/electronics/newsView/ked202503210001> (дата обращения: 01.04.2025).

² *Jin Eun-Soo*. Samsung marketing in Russia rises, but business resumption uncertain // Korea JoongAng Daily. 2025. February 25. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/2025-02-25/business/industry/Samsung-marketing-in-Russia-rises-but-business-resumption-uncertain/2249816> (дата обращения: 01.04.2025).

³ *Вязовкина Н.* Производитель автозапчастей с корейскими корнями расширяет производство в Петербурге // Фонтанка. 2025. 11 марта. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/03/11/75207851/> (дата обращения: 01.04.2025).

рынке РФ. Так, в 2025 г. возобновлен набор персонала в российские представительства компаний. Дополнительно дочерняя структура HD Hyundai Electric приняла участие в выставке «Электро-2025», что может свидетельствовать о сохранении интереса к рынку энергетической инфраструктуры России¹.

С 2022 г. экспорт автомобилей южнокорейского производства в Россию осуществляется преимущественно через третьи страны. До 80 % поставок Hyundai и Kia в Казахстан и Кыргызстан в итоге попадает в Россию. В 2021 г. Казахстан импортировал 4 тыс. поддержанных автомобилей из РК, а в 2024 г. — более 10 тыс. Такой же всплеск импорта (с 4,5 тыс. в 2021 г. до 50 тыс.) в прошлом году зафиксирован и в Кыргызстане. Увеличение спроса на поддержанные автомобили существенно повлияло на цены — на южнокорейском рынке стоимость некоторых моделей поддержанных автомобилей сравнялась с ценами на новые². Кроме того, с марта 2025 г. возобновлены поставки в Россию автомобилей бренда KGM (прежнее название — SsangYong), и данная компания запустила масштабную рекламу новых моделей³.

Когда южнокорейские компании попытаются полноценно вернуться на российский рынок, они неизбежно столкнутся с рядом сложностей:

1. Рост конкуренции со стороны КНР и Турции, в частности в сфере автомобилестроения и электроники⁴. Например, доля китайского бренда Xiaomi на российском рынке смартфонов в марте 2025 г. составила 21 %, тогда как доля Samsung — 17 %. До 2022 г. компания Samsung лидировала в этом сегменте, занимая более 30 % рынка⁵. В 2021 г. концерн Hyundai–Kia уступал

по популярности лишь АвтоВАЗу, продав совокупно почти 400 тыс. единиц продукции. Сегодня более половины рынка занято китайскими брендами, а в среднесрочном плане продаж Kia в 2030 г. предполагается реализовать лишь 50 тыс. автомобилей, что в четыре раза ниже уровня 2021 года⁶.

LG в сегменте стиральных машин сталкивается с не менее ожесточенной конкуренцией — лидерами стали уже Haier и Indesit. Однако в некоторых нишах наблюдается существенный технологический разрыв между требуемым качеством продукции, которую ранее поставляли южнокорейские фирмы, и тем уровнем, который могут обеспечить китайские производители, не в пользу последних, например в строительстве СПГ-газовозов.

2. Правовая нестабильность, включая угрозу аннулирования товарных знаков. Так, в марте 2025 г. Hyundai оперативно перерегистрировала свой бренд в Роспатенте. В СМИ поспешили усмотреть в данном действии признак скорого и полноценного возвращения компании на российский рынок, а также выкупа ранее проданных активов в Санкт-Петербурге. Однако это работа «в фоновом режиме» — товарные знаки аннулируются, если они не используются в течение трех лет, поэтому Hyundai обеспокоена данным вопросом именно сегодня, что, вероятно, не связано с краткосрочными планами компании, однако указывает на возможность возвращения на российский рынок в долгосрочной перспективе⁷. Вместе с тем Hyundai имеет право выкупа своего завода в Санкт-Петербурге до конца 2025 г., то есть решение придется принимать уже в самое ближайшее время.

3. Сохранение угрозы вторичных санкций против компаний, ведущих деятельность

¹ Электро-2025 // АО «Экспоцентр»: интернет-каталог выставки. URL: <https://icatalog.exposentr.ru/ru/exhibitions/aaf30fc4-3ffc-11ee-80ce-a0d3c1fab97f/alphabet/Э?terminal=> (дата обращения: 20.04.2025).

² Gil-Sung Yang, Eui-Myung Park. Used SUVs pricier than new ones? Yes, in South Korea thanks to Russia // The Korea Economic Daily. 2025. May 12. URL: <https://www.kedglobal.com/automobiles/newsView/ked202505120006> (дата обращения: 14.05.2025).

³ В России стартовали продажи автомобилей южнокорейской компании KGM // РБК. 2025. 12 марта. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67d189fb9a79471d7b069373> (дата обращения: 01.04.2025).

⁴ Кирьянов О. СМИ: Южнокорейские компании ждут сложности в случае возвращения на рынок России // Российская газета. 2025. 15 февраля. URL: <https://rg.ru/2025/02/15/smi-iuzhnokorejskie-kompanii-zhdut-slozhnosti-v-sluchae-vozvrashcheniia-na-rynok-rossii.html> (дата обращения: 01.04.2025).

⁵ Jin Eun-Soo. Samsung marketing in Russia rises, but business resumption uncertain // Korea JoongAng Daily. 2025. February 25. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/2025-02-25/business/industry/Samsung-marketing-in-Russia-rises-but-business-resumption-uncertain/2249816> (дата обращения: 01.04.2025).

⁶ Пашкова Л. Kia включила российский рынок в план продаж на этот год // РБК. 2025. 14 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/business/14/04/2025/67fd5c6d9a794757b040bf70> (дата обращения: 17.04.2025).

⁷ Hyundai возвращается в Россию // Korea JoongAng Daily. 2025. March 19. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/2025-03-19/business/industry/현대차-러시아-다시-가나-/2261691> (дата обращения: 01.04.2025). (На кор.).

с российскими контрагентами. Например, в случае разворота стратегии новой американской президентской администрации российские фирмы, занимающиеся внешнеэкономической деятельностью, могут столкнуться с еще более строгими ограничениями: их зарубежные контрагенты рискуют заработать проблемы на американском рынке, который для многих из них приоритетнее российского. Недавно по инициативе сенатора США Л. Грэма был предложен законопроект, предусматривающий в том числе введение пошлин до 500 % на товары из стран, импортирующих из России энергоносители. РК находится в зоне риска — значительная часть уранового топлива для местных АЭС поступает из России.

4. Сложности логистического характера и увеличение финансовых затрат на восстановление дистрибуции.

5. Отсутствие полноценного механизма защиты инвестиций, особенно в условиях санкционного давления.

При этом в целом неевропейским компаниям будет проще возвращаться на российский рынок, если такая возможность представится. В первую очередь это относится именно к южнокорейским фирмам, например Hyundai, Kia, Samsung и LG, которые, в отличие от японских, в меньшей степени стеснены саморегуляцией.

Некоторым компаниям удалось сохранить свое присутствие на российском рынке в большей степени. Например, Orion Confectionery, имеющая производственные мощности в Твери и Новосибирске (кондитерская продукция), планирует инвестировать 240 млрд вон в свою деятельность в России. Продажи росли двузначными темпами в течение всех последних шести лет, а существующие предприятия работают с загрузкой более 120 %¹. Новые инвестиции направлены на расширение производства в Твери.

В то же время инвестиции, сделанные другими южнокорейскими фирмами после 2022 г. с учетом изменившегося инвестиционного климата в России, уже начали давать первые осязаемые результаты. Например, крупнейшая южнокорейская табачная компания KT&G в апреле 2025 г. открыла новое крупное предприятие в Казахстане, строи-

щееся с осени 2023 года². Продукция данного предприятия сможет беспрепятственно попадать в Россию в рамках единого экономического пространства ЕАЭС, однако оно уменьшает значимость для компании ее производственного подразделения в России (в Калужской области), созданного еще в 2010 г. Kia в ближайшее время планирует завершить строительство автомобильного завода в Костанайской области (Казахстан), начавшееся в 2023 г. Hyundai Motor недавно завершила масштабную модернизацию и расширение своего предприятия в Алматы. Samsung Electronics в 2025 г. планирует начать совместное производство бытовой техники (телевизоров и стиральных машин) с местной фирмой Silk Road Electronics на новом предприятии в городе Сарань (Карагандинская область). Нарастают объемы производства на существующих предприятиях и другими южнокорейскими фирмами, имеющими производственные мощности в Центральной Азии.

С учетом высокой связности российской экономики и рынков стран Центральной Азии эта экспансия южнокорейского бизнеса может в значительной степени снизить для него привлекательность возвращения непосредственного присутствия на российском рынке в том же объеме, который наблюдался до 2022 г. Однако это способствует наращиванию непрямого российско-корейского товарооборота, так как при планировании этих инвестиций компании «держат в уме» российский рынок.

При этом неопределенность наблюдается также в вопросе отношения властей РК к нормализации торгово-экономического взаимодействия с Россией. Администрация президента-консерватора Юн Согёля на втором году его правления (2023) присоединилась к санкциям, введенным против российской внешней торговли, однако старалась избегать дополнительных ограничений. Ситуация ухудшилась вследствие интенсификации российско-северокорейского военно-политического и экономического взаимодействия. Как следствие, российско-южнокорейские отношения достигли низшей точки: южнокорейцы избегали официальных контактов несмотря на готовность к ним российской

¹ Jong-Seo Park. Orion behind original Choco Pie to invest \$580 million in new plants // The Korea Economic Daily. 2025. April 16. URL: <https://www.kedglobal.com/corporate-strategy/newsView/ked202504160004> (дата обращения: 14.05.2025).

² No Kyung-min. KT&G completes Kazakhstan plant to accelerate growth in Eurasia // The Korea Herald. 2025. 23 April. URL: <https://www.koreaherald.com/article/10471952> (дата обращения: 24.04.2025).

стороны. Лишь в мае 2025 г. состоялась первая с конца 2018 г. рабочая встреча глав консульских ведомств МИД РК и РФ¹.

Смена власти и занятие поста президента РК 4 июня 2025 г. представителем Демократической партии Ли Джэмёном не означает автоматического поворота к России. Пока нельзя утверждать, что новый президент РК имеет четкую и принципиально отличную от установок предыдущей президентской администрации позицию в отношении России, хотя, в отличие от многих, он допускал, что причины конфликта в Украине связаны в том числе с ошибками украинских властей. Вместе с тем он не отрицает намерений помогать «восстановлению Украины», что отвечает интересам южнокорейского бизнеса.

С одной стороны, для представителей Демократической партии обычно в меньшей степени свойственно ориентироваться на однозначный военно-политический и экономический союз и поддержку некоторых внешнеполитических инициатив США, хотя верность союзу с США остается в центре внешнеполитической стратегии страны. Вместе с тем противоречия Сеула с администрацией Трампа будут нарастать, что связано как с экономическими конфликтами (тарифная война — серьезный негативный фактор для РК), так и с вопросами распределения финансового бремени на оборону, безопасности (в Вашингтоне обсуждаются планы сокращения контингента американских войск в РК, что Сеул считает признаком снижения вовлеченности США в гарантии безопасности РК), пределами американской поддержки в случае конфликта с Севером.

С другой стороны, Ли Джэмён — нетипичный представитель либерального лагеря, да и нынешний событийный контекст существенно отличается от начала 2000-х гг. или конца 2010-х гг., когда у власти находились предыдущие представители Демократической партии и ее предшественниц. Ли Джэмён подчеркивает желание вести более «прагматичную» внешнюю политику в интересах РК. В этом свете изменение российско-южнокорейских отношений в лучшую сторону возможно, к тому же на пост главы Управления национальной безопасности при президенте и советника по безопасности РК был назначен бывший посол РК в России Ви Сон-

нак, хотя и настроенный проамерикански, но хорошо знающий Россию. Во внешнеполитических концепциях Россия возвратилась на обычное для нее четвертое место в списке значимых держав с нейтральным статусом. Однако в итоге данный вопрос может оказаться не в приоритете новых властей: первостепенны вопросы, связанные с преодолением затяжного внутривнутриполитического кризиса и с неопределенностью в международной торговле [11; 12].

Не до конца ясны перспективы российско-южнокорейских отношений и из-за их увязывания с российско-северокорейскими, а следовательно, и межкорейскими. Представители новых властей РК не скрывают, что российско-северокорейское сотрудничество, особенно в военной области, рассматривается ими как прямая угроза, а значит, Россия закономерно будет противодействовать попыткам вмешательства южнокорейской стороны в российско-северокорейские отношения. Это существенно снижает потенциал политического взаимодействия. Невелико и поле взаимодействия России и РК по международной повестке. Таким образом, политическая атмосфера будет в лучшем случае нейтральной для возобновления торгово-экономического сотрудничества.

Выводы

В 2025 г. в связи с начавшимися глобальными геополитическими изменениями намечились сдвиги и в торгово-экономических отношениях отдельных стран, в том числе России и РК. Если до этого, с весны 2022 г., фиксировался лишь нисходящий тренд на ухудшение политических отношений и сокращение торговой активности, то в последние месяцы наблюдаются уже разнонаправленные и порой противоречивые тенденции.

С одной стороны, продолжаются сокращение товарооборота, переориентация южнокорейских фирм на поставщиков сырья из других стран, а российских — на импорт продукции из Китая, Турции и других стран, сохраняются введенные ранее как властями РК, так и правительствами иных государств и компаниями ограничения на торговлю с российскими контрагентами, российские финансовые учреждения и т. д., поддерживается

¹ О встрече заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации А. Ю. Руденко с директором Консульского департамента МИД Республики Корея Юн Чжу Соком // Министерство иностранных дел РФ: офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2018833/ (дата обращения: 22.05.2025).

напряженность между двумя странами, возникшая на фоне резкой активизации российско-северокорейского сотрудничества, а ряд южнокорейских компаний переориентируется на другие страны как на «плацдармы» работы в регионе СНГ (в основном Казахстан и Узбекистан).

С другой стороны, в некоторых нишах южнокорейская продукция доминирует на российском рынке, а некоторые южнокорейские компании возобновляют работу своих предприятий на территории РФ, планируют новые инвестиции или обсуждают такие возможности в ближайшем будущем при изменении инвестиционного климата. Обобщая опыт работы этих компаний за прошедшие три года, можно сделать вывод, что наилучшим образом справились с финансовыми и логистическими затруднениями южнокорейские компании пищевой промышленности, компании с предприятиями пищевой отрасли, которые в меньшей степени зависели от интернациональных технологических связей и производственных цепочек. Менее

благоприятная ситуация сложилась в области машиностроения (автомобилестроения, электроники и электротехники), в которой эта зависимость особенно высока.

Глобальная неопределенность на всех уровнях приводит к неуверенности экономических акторов в эффективности и сохранности их инвестиций, что все еще ограничивает возможности для полноценного возобновления работы многих иностранных компаний на российском рынке, в том числе южнокорейских. К тому же снижение этой неопределенности подвластно в основном не им самим или властям РК, а зависит в первую очередь от других государств. В таких условиях уверенный прогноз развития ситуации в данном направлении практически невозможен или условен, содержит немало оговорок. При этом точно можно спрогнозировать готовность ряда южнокорейских компаний полноценно вернуться на российский рынок в числе первых, как только произойдут качественные изменения в условиях, их ограничивающих.

Список источников

1. Булычев Г., Кулькин Д. Россия и Южная Корея: некоторые размышления о первом десятилетии отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 5. С. 33–38.
2. Суслина С. Корейский полуостров в формате экономического сотрудничества с Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 5. С. 45–48.
3. Деловая хватка «Самсуна». Интервью генерального директора // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 4. С. 57–60.
4. Ким Сун Хун. Состояние и приоритетные направления внешнеэкономического сотрудничества между Россией и Республикой Корея // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 3. С. 86–96.
5. Чжун Ми Кён. Роль корейских ФПП в экономике Республике Корея и в инвестициях в России // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 58–69.
6. Сонг Б. Д. Новые перспективы экономического сотрудничества Республики Корея и Российской Федерации на Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 4. С. 104–110. <https://doi.org/10.31857/S013128120006101-2>
7. Козлов Л. Е., Реутов Д. А. Внешнеполитический контекст сотрудничества России и Республики Корея в промышленной модернизации Дальнего Востока // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 1. С. 25–33.
8. Толорая Г. Д., Чернецкий Ф. М. Надо ли России выбирать из двух Корей? // Мир перемен. 2024. № 3. С. 20–43. https://doi.org/10.51905/2073-3038_2024_3_20
9. Голубкин А. В., Малютина О. М., Чернецкий Ф. М. Тенденции в торговле машиностроительной продукцией между Россией и странами Восточной Азии // Экономика строительства. 2023. №. 9. С. 47–52. <https://doi.org/10.24412/0131-7768-2023-9-47-52>
10. Толорая Г. Д. Как преодолеть кризис в отношениях с Южной Кореей? // Россия в глобальной политике. 2024. 2 июля. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/preodolet-krizis-s-koreej-toloraya/> (дата обращения: 22.05.2025).
11. Асмолов К. В. Конституционный кризис в Южной Корее: репутационные, внутриполитические и внешнеполитические последствия // Корееведение. 2025. № 1. С. 64–80. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.87.34.005>
12. Toloraya G. D. The crisis of South Korean conservatism and implications for Russia // Russia in Global Affairs. 2025. Vol. 23. No. 2. P. 180–203. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2025-23-2-180-203>

References

1. Bulychev G., Kul'kin D. Russia and South Korea: Some reflections on the first decade of relations. *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Affairs*. 2000;(5):33-38. (In Russ.).

2. Suslina S. The Korean Peninsula in the format of economic cooperation with Russia. *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Affairs*. 2001;(5):45-48. (In Russ.).
3. Business acumen of "Samsun". Interview with the CEO. *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Affairs*. 1992;(4):57-60. (In Russ.).
4. Kim Sung-hun. The state and priority areas of foreign economic cooperation between Russia and the Republic of Korea. *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Affairs*. 1996;(3):86-96. (In Russ.).
5. Jun Mi-Kyung. The role of Korean financial-industrial groups in the economy of the Republic of Korea and in investments in Russia. *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Affairs*. 1996;(5):58-69. (In Russ.).
6. Song B.J. The new prospects for economic cooperation between the Republic of Korea and the Russian Federation in the Far East. *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Affairs*. 2019;(4):104-110. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013128120006101-2>
7. Kozlov L.E., Reutov D.A. Foreign policy context of cooperation between Russia and the Republic of Korea in industrial modernization of the Far East. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya = Ojkumena. Regional Researches*. 2012;(1):25-33. (In Russ.).
8. Toloraya G.D., Chernetskii F.M. Should Russia choose between the two Koreas? *Mir peremen = The World of Transformations*. 2024;(3):20-43. (In Russ.). https://doi.org/10.51905/2073-3038_2024_3_20
9. Golubkin A.V., Malyutina O.M., Chernetsky F.M. Trends in trade in mechanical engineering products between Russia and East Asian countries. *Ekonomika stroitel'stva = Economics of Construction*. 2023;(9):47-52. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/0131-7768-2023-9-47-52>
10. Toloraya G.D. How to overcome the crisis in relations with South Korea? Russia in Global Affairs. Jul. 02, 2024. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/preodolet-krizis-s-koreej-toloraya/> (accessed on 22.05.2025). (In Russ.).
11. Asmolov K.V. The constitutional crisis in South Korea: Implications for the ROK's reputation, domestic governance, and foreign policy. *Koreevedenie = Koreanology*. 2025;(1):64-80. (In Russ.). <https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.87.34.005>
12. Toloraya G.D. The crisis of South Korean conservatism and implications for Russia. *Russia in Global Affairs*. 2025;23(2):180-203. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2025-23-2-180-203>

Информация об авторах

Георгий Давидович Толорая

доктор экономических наук, профессор, заведующий Центром российской стратегии в Азии¹, главный научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа²

¹ Институт экономики Российской академии наук

117218, Москва, Нахимовский пр., д. 32

² Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

117218, Москва, Нахимовский пр., д. 32

Федор Михайлович Чернецкий

младший научный сотрудник Центра российской стратегии в Азии

Институт экономики Российской академии наук

117218, Москва, Нахимовский пр., д. 32

Поступила в редакцию 16.06.2025
Прошла рецензирование 04.07.2025
Подписана в печать 05.08.2025

Information about the authors

Georgy D. Toloraya

D.Sc. in Economic Sciences, Professor, Head of the Center for Russian Strategy in Asia¹, senior researcher of the Center for World Politics and Strategic Analysis²

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

32 Nakhimovsky Ave., Moscow 117218, Russia

² Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

32 Nakhimovsky Ave., Moscow 117218, Russia

Fedor M. Chernetskii

junior researcher at the Center for Russian Strategy in Asia

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

32 Nakhimovsky Ave., Moscow 117218, Russia

Received 16.06.2025
Revised 04.07.2025
Accepted 05.08.2025

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.